

- Черт, - выругался я, падая на землю и приземляясь на мягкую траву и грязь, когда ноги предательски подкосились. В ответ раздалось несколько смешков, и громче всех - отцовский. С помощью топора и щита я поднялся на ноги и устоял на ногах. Без них я бы тут же упал снова, потому что меня начало кренить в сторону, тело двигалось, чтобы справиться с волнами, которых уже не было.

- Ты скоро вернешь умение стоять на суше, сынок. По крайней мере, ты дал мне это - все мои мальчишки болели в море, кроме тебя. Я с нетерпением ждал, когда увижу, как ты цепляешься за борт корабля. Это самое приятное - наблюдать за тем, как юноши впервые уходят в плавание. - сказал отец, похлопав меня по спине достаточно сильно, чтобы я упал вперед, приземлившись в лежачее положение. - Посиди немного, пока твое тело не вспомнит, каково это - быть на суше. - сказал он, отправляясь разгружать шлюпки.

Мы плыли три дня, останавливаясь каждую ночь, и все это время двигались на юг. Мы держались ближе к береговой линии, держа ее слева от нас, пока не увидели ее перед собой. Еще день мы плыли вдоль побережья, пока ярл Хоррик не заметил среди деревьев ворона и не решил, что это знак Одина. Он не был провидцем, поэтому казалось странным, что он толкует знаки от Одина, но боги иногда общались с нами с помощью ясных знаков. Я знал это лучше многих.

Мы причалили, подведя корабль к берегу, где и выбрались наружу. Я понятия не имел, есть ли поблизости люди или нет, но я в равной степени надеялся, что есть, и надеялся, что их нет.

Это дошло до меня во время путешествия сюда. Я был здесь, чтобы убивать людей ради их богатства и средств к существованию. Люди должны были умирать. Женщины будут изнасилованы. Дети должны были увидеть, как их семьи разрушаются либо из-за смерти, либо из-за порабощения, если они сами не попадут в рабство. Тем немногим, кому удастся выжить во время рейда, будет нелегко оправиться. Вполне возможно, что мы убьем и их, ведь наступит зима, а они не успеют в достаточной мере восстановить свои запасы еды. Просто это будет отложено на год.

И я ничего не мог сделать, чтобы остановить это. Я был всего лишь воином, одним из многих. Не мне было говорить, что мы делали, куда совершали набеги и как поступали с побежденными. Возможно, когда-нибудь, если боги будут добры и я проявлю себя, я смогу стать таном, и тогда я смогу принимать такие решения. Однако пока что мне приходилось мириться с тем, что сейчас я был в другой роли. Я был викинг.

Пока я восстанавливал равновесие, были посланы разведчики, которые должны были принести известия о каких-либо поселениях поблизости. Пока мы ждали, мы рассматривали это место как временный лагерь. И это хорошо, потому что, хотя мы высадились на берег в начале дня, уже почти наступила ночь, когда разведчики вернулись. Все они нашли дорогу, одно направление вело в никуда, но другой путь вел к деревне, расположенной в устье реки, до которой мы не успели проплыть достаточно далеко, чтобы увидеть.

Таким образом, наш курс был определен. Воины вознесли молитвы богам о защите в бою. Я тоже вознес свои молитвы, но по большей части использовал это время, чтобы смириться с тем, что мне предстоит сделать. Мы оставили двух охранников у лодок, а остальные пошли по тропе, которую нашли разведчики. Мы прошли пешком около часа, прежде чем нам сказали пригнуться и не высовываться. Всего нас было около сотни человек, возможно, чуть меньше, поэтому наше приближение едва ли можно было назвать бесшумным.

И все же каким-то образом нам удалось подкрасться к деревне. Она была довольно большой и,

как уже говорилось, находилась прямо на берегу реки с длинным мостом, разделяющим две стороны. Здесь не было никаких стен. Просто несколько десятков деревянных домов с соломенными крышами, грунтовые дороги между ними и несколько загонов для животных. После трех дней, проведенных в море, луна стала убывать, пока не стал виден лишь самый слабый ее кусочек, поэтому свет, освещающий деревню, был довольно скудным.

- Сначала нам нужно занять мост, - сказал ярл Хоррик, понизив голос. - Река шире, чем я думал, - признался он, объясняя, почему это не было решено раньше. Наверное, он ожидал, что мы сможем перепрыгнуть через ров. Вместо этого прямо через деревню протекала большая река, через которую был переброшен длинный мост, сделанный из нескольких толстых стволов деревьев, скрепленных между собой веревками. Я думаю, что эта деревня, возможно, начиналась как две отдельные деревни, которые были соединены мостом. По обе стороны реки постройки заметно отличались друг от друга. - Десяти человек должно хватить.

- Может, сначала попробуем пробраться в деревню? - проговорил я, заслужив неодобрительные взгляды окружающих нас мужчин. То, что я был мужчиной, не означало, что со мной обращались как с мужчиной. Мой голос не имел такого веса, и были некоторые, кто явно считал, что его вообще не стоит слышать. Однако ярл Хоррик обдумал это.

- Это станет опасной задачей, но достойной. Мы разделим деревню пополам, - решил ярл Хоррик. - Ты согласен стать добровольцем? - спросил он меня, и мне не пришлось раздумывать, прежде чем я кивнул. Он улыбнулся, одарив меня твердым кивком признательности. Он начал выбирать остальных, кто пойдет со мной, а я начал снимать свою кольчугу, и как только я ее снял, то увидел, что он бросает на меня веселый взгляд.

- Разве ты не проводил дни, продавая эти кольчуги воинам на рынке со словами о том, что не стоит искушать судьбу? - спросил он, явно веселясь, так как на мне теперь была только туника. Моя праща была заправлена в пояс, а в руках я держал топор и щит. Копье могло бы быть более полезным, но я еще не был мужчиной в полный рост, а самое маленькое копье, которое я видел, было длиной в семь футов. Расстояние - это хорошо, но копьему нужен рычаг, который я не мог обеспечить.

- Никогда не верь ничему, что выходит изо рта продавца, - посоветовал я, и он, похоже, с трудом подавил смех.

- Тогда иди и сделай так, чтобы твой отец гордился тобой, мальчик. Пока ты не заставил меня выдать нашу позицию, - сказал он, подталкивая меня вперед. Я шел через подлесок, чувствуя себя намного легче без кольчуги, которая меня отягощала. Я бы с удовольствием оставил ее для защиты. Если бы не постоянный шум, который она издавала, я бы так и сделал. Я увидел, что другие последовали моему примеру, и все они направились в сторону моста вместе со мной.

Я дошел до одного из домов и услышал пыхтение и стоны по ту сторону деревянной стены, что позволило мне понять, почему наш приход был не замечен. Достигнув передней стороны дома, я низко присел, разглядывая своеобразную деревенскую площадь - похоже, в безумии планировки деревни был какой-то метод, но она оставляла множество укромных уголков, где можно было спрятаться и пропустить кого-то, кто мог бы наблюдать за нами. Я сканировал темноту, прижимаясь к теням, никого не видя, но слыша их вокруг себя.

Пробираясь вперед, я продолжал смотреть по сторонам. Слева от меня послышалось ворчание, и я обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как один из воинов вонзает свой топор в голову человека, который мочился на бок дома. Он подхватил тело и спокойно опустил его на землю,

после чего продолжил путь. Я сделал то же самое и направился к мосту, пока не заметил человека, стоящего перед колодцем и работающего с лебедкой, чтобы опустить ведро.

Я крепче сжал топор, шагая вперед, зная, что должен сделать. Оставалось только сделать это.

Я слышал, как мужчина ругался про себя на непонятном мне языке, когда заглядывал в колодец. Думаю, он беспокоился, что ведро зацепилось за что-то. Такое иногда случалось. Он не заметил меня, пока я приближался, мои шаги затихали с каждым шагом. Я крепко сжал свой топор, отведя голову назад...

Затем я со всей силы врезал острием ему по затылку. Рукоятка топора послужила рычагом, с помощью которого я опустил его на землю, причем выглядело это так, будто он только что потерял сознание, если не обращать внимания на кровь, прежде чем я вырвал топор. Я посмотрел на мужчину - небритые щеки, невымытые волосы и испачканная туника, которая была насквозь пропитана кровью.

- Прости, - сказал я ему, но это было все, что я мог ему дать, пока я направлялся к мосту. Остальные подходили к нам, у некоторых из них тоже были мокрые клинки. Когда все они оказались рядом с нами, мы направились на другую сторону моста, причем я шел сзади. Это был приличный мост, достаточно большой, чтобы по нему могли пройти трое мужчин плечом к плечу. Воины впереди объединились в щитовую стену, выставив свои щиты, чтобы создать единый фронт. Еще двое следили за нашими спинами, а я и еще один готовили дальнобойное оружие. Он предпочитал лук, глупец. Если бы он только знал истинную силу пращи.

Как только мы заняли позицию, раздался звук рога, и спокойная деревня погрузилась в полнейший хаос. Воины хлынули в деревню, выбивая двери и врываясь в дома. Горстка людей успела выйти из некоторых домов, наспех вооружившись всем, что попало под руку. Я заметил, как мой отец бросился на одного из них: его датский топор метнулся в сторону и зацепил мужчину за шею, отделив его голову от тела, и он двинулся дальше, прежде чем голова успела упасть на землю.

Но мой взгляд не задержался на том, что осталось позади. Другая половина деревни была разбужена ото сна, мужчины выбегали из своих домов, и на этой стороне не было воинов, которые могли бы за нас вступить. Они бросались вперед, неся в руках рыболовные крючки или топоры, даже мотыги или косы. Моя праща вертелась в руке, заряженная камнем из моих запасов, прежде чем я метнул ее в одного мужчину с такой силой, что его голова откинулась назад, и он замертво упал на спину.

Мужчины врезались в стену щитов, пока я заряжал еще один камень. Я убил еще одного человека, затем покалечил еще одного, прежде чем услышал свист стрелы. Я увидел, как она пронзила одного из воинов на переднем крае стены щитов, выйдя из его шеи. Мой взгляд метнулся в сторону источника выстрела, и я увидел подростка с луком, который уже запускал очередную стрелу.

Я метнул в него камень, попав ему в глаз, и его тело упало. И стена щитов тоже упала. В щель, которую проделал мертвец, просунулся рыболовный крюк, когда один из щитов оказался опущен, и попал в глаз воину, который шел ему на смену. Люди с криками начали пробиваться вперед, заставив меня бросить пращу и подхватить топор. Я бросился вперед, ударил человека с рыболовным крючком в грудь своим топором и оттолкнул его назад.

Мотыга ударила по моему щиту, когда я вступил в бой, решив, что моя храбрость будет отмечена богами. Воздух был наполнен шумом - боевыми криками, воплями боли, визгами

ужаса, плачем детей, лязгом металла и дерева. В воздухе запахло медью, когда еще один из воинов рухнул рядом со мной, позволив защитникам обойти меня с фланга. Я узнал, что смерть пахнет дерьмом.

Я поймал щитом удар тесака и ответил силовым ударом в колено его владельца, пробив его насквозь. Он упал на землю, а я ударил наотмашь щитом стоящего передо мной человека, толкнул вперед и, замахнувшись топором, попал ему в плечо. Лезвие топора вонзилось в него, причем настолько глубоко, что почти пробilo кость. Снова ударив его своим щитом, я вырвал свое оружие с брызгами запёкшейся крови. Не успел я это сделать, как снова замахнулся на другого жителя деревни, того самого с косой, который надвигался на нас со спины, пытаясь попасть лезвием нам в головы.

Он сумел сделать это с другим воином, ударив его в плечо, но поплатился за это своей рукой, когда я отрубил ее. Он закричал и попятился назад, сжимая отсутствующую руку. Другой крестьянин шагнул вперед, но получил удар топором по лицу, от которого упал. Тела стали валиться передо мной, мои сапоги становились все более скользкими от крови и грязи, грязь темнела, превращаясь в густую жижу.

Жители деревни сзади, похоже, поняли, что ситуация оборачивается против них, и начали отделяться, поворачивая хвост и убегая. Я не стал им мешать, разбираясь с теми, кто остался и сражался, но горстка людей, переживших короткую осаду, рванула за ними, чтобы либо устроить погоню, либо начать грабеж. Я глубокомысленно нахмурился, пробиваясь вперед и убивая еще одного жителя деревни, последнего, кто остался и сражался. Я бросил взгляд на два десятка тел, сваленных в кучу у проема моста.

Мой взгляд встретился с деревенским жителем, который орудовал косой, все еще сжимая руку. Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами с бескровным лицом, прежде чем он что-то сказал мне. Полиглот облегчал изучение языков, но не позволял мне понимать их мгновенно. Я жестом указал на его руку, подняв свой топор, чтобы передать сообщение. Он густо сглотнул, прежде чем покачал головой.

Тогда я использовал топор, чтобы оторвать рукав от трупа. Подойдя к нему, я обвязал его вокруг руки, чтобы помочь справиться с кровотечением. Затем я толкнул его на землю, жестом указывая на трупы. Его широкие глаза метнулись к ним, потом ко мне, затем он слегка кивнул, после чего притворился мертвым.

Не думаю, что это его спасет, но убить человека в бою было проще, чем добить его. Не тогда, когда он ничего не сделал ни мне, ни моим.

- Зигфрид! - услышал я крик отца, заставивший меня обернуться и посмотреть на него. Он и еще несколько воинов мчались по мосту в нашу сторону. - Иди и найди свое богатство, мальчик! Ты хорошо потрудился! - крикнул он, и в его голосе звучала яростная, безудержная гордость. Честно говоря, я не думаю, что он когда-либо гордился мной больше, чем в этот момент, и это включая защиту фермы, потому что на этот раз он был здесь, чтобы увидеть это.

Я кивнул, оглядывая различные дома. Изнутри доносились крики, и я увидел, что в некоторых из них двери были открыты, так как жители убегали. Я побежал к одному из них, надеясь, что он окажется пустым. Интерьер был похож на мой собственный дом - жилое помещение с очагом, грязный пол и стена с двумя дверьми. Однако вскоре я увидел, что дом не пуст.

В одном из углов стояла кровать, а на ней лежал старик. Он смотрел на меня с ненавистью в глазах, натянув на себя покрывало. Он был оставлен, когда остальные члены его семьи бежали,

слишком старый и немощный, чтобы присоединиться к ним. Я оглядел гостиную, отметив, что она, похоже, была в плохом состоянии. Даже мелких предметов роскоши, присущих простым людям, здесь не было.

- Хм, - хмыкнул я, заметив деревянный кувшин, наполненный водой. Я схватил его, не сводя глаз со старика. Понюхав его, я обнаружил, что он пахнет так, как и должна пахнуть вода. Удовлетворенный, я взял чашку и подошел к кровати мужчины. Ненависть сменилась осторожным любопытством, когда я налил ему воды и протянул чашку. Он наблюдал за мной из-за края одеяла, глубоко отпивая. Поставив кувшин рядом с ним, я отошел от него, чтобы исследовать остальную часть дома. Я обнаружил кладовку, в которой было довольно мало продуктов. Затем спальню с односпальной кроватью.

Осмотрев ее, я убедился, что тот, кто сбежал из здания, забрал с собой все свое богатство, судя по небольшой яме в углу комнаты, которую недавно раскопали. Так что смысла оставаться не было. Схватив яблоко, я кивнул старику, который неуверенно кивнул в ответ, после чего вышел из дома и направился к другому. Я пропустил следующие несколько домов, зайдя в те, что находились сзади, на периферии деревни, пока за моей спиной раздавались звуки хаоса.

Следующая дверь, которую я попытался открыть, оказалась запертой. Ничего такого, что нельзя было бы решить с помощью Силовой атаки, которая разнесла дверь в щепки. Отбросив разбитые останки, я открыл дверь и увидел семью, которая решила запереться внутри. Судя по виду, мужчина и двое его сыновей. У них было соответствующее оружие, заметил я. У старшего даже был чешуйчатый гамбезон и щит в руках, а все мужчины орудовали копьями. Они охраняли двух женщин - мать, дочь и ребенка.

Они зарычали, как только увидели меня, и выхватили копья, чтобы отогнать меня. Ребенок заплакал, потревоженный жестокостью моего входа и криками мужчин, а девушки закричали, создавая ужасный хор шума. Я окинул их взглядом, отметив, что они были чище, чем остальные, кого я видел. Дом тоже был больше. Богатая семья, которая выкроила участок земли после того, как деревня уже была основана?

Сцена была почти знакомой. Я никогда не видел ее своими глазами, но видел во сне после нападения на ферму - что могло бы быть, если бы я не получил то роковое предупреждение или если бы меня там не было. Только роли поменялись местами. Я оказался на месте налетчиков, которые будут насиловать и убивать мою семью. Это, как ничто другое, заставило мой желудок неприятно сжаться.

Я сделал шаг назад, жестом указал на дверной проем, но ничего не сказал. Потому что смысла не было. Я не мог понять их лучше, чем они могли понять меня. Глаза человека в гамбезоне сузились до щелей, он пристально смотрел на меня, но, казалось, ненадолго задумался над предложением. Я давал им выход. Шанс сбежать. Выжить. Они могли заподозрить, что это ловушка, но, учитывая, сколько крови было на мне, они должны были понять, что мы победили их воинов с большим отрывом.

Затем один из сыновей, подросток, закричал во всю мощь своих легких, когда побежал вперед, намереваясь пронзить меня копьем. Он был храбр, но глуп. Я среагировал, отбив наконечник копья древком своего топора, а затем бросился вперед, врезав ему в лицо ободком щита. Это решило судьбу остальных членов семьи: второй сын побежал вперед, за ним последовал их отец. Я мог пощадить человека в поединке один на один, но двое на одного, когда они пытаются меня убить?

В конце концов, я слишком дорожил своей жизнью. Слишком сильно, чтобы рисковать ею, пытаясь не убить их. Я метнул яблоко, которое взял, в лицо второму сыну, попав ему в голову и заставив отшатнуться назад.

Копье было отличным оружием, чтобы держать людей на расстоянии, но в ближнем бою оно быстро становилось помехой. Я замахнулся с силовой атакой, ударив его в шею и обезглавив одним взмахом. Мужчина закричал от ярости, а девушки закричали от ужаса. Старший мужчина попытался схватить меня, зная, что его копье бесполезно на таком близком расстоянии.

Однако он недооценил, насколько я быстр. Не успел мой топор расцезь шею его сына, как он уже летел обратно. Перевернув его, я ударил его в боковую часть головы обратным взмахом, и мое лезвие остановилось в его переносице. Я вырвал свой топор, когда он упал, и мать, крича от горя, бросилась за ним. Слезы бежали по ее щекам, когда она подняла на меня глаза, проклиная и отплевываясь. Сын, который начал драку, уже поднимался на ноги, ужасаясь этому зрелищу.

Я вздохнул и, покачав головой, направился к нему. Несмотря на то что он был на несколько лет старше меня, я легко поднял его на ноги, прежде чем практически вышвырнуть за дверь.

- Убирайся, уходи. Бегите, идиоты, - огрызнулся я, жестом показывая, чтобы они уходили, пока могут. Дочь, похоже, поняла меня, потому что выскочила за дверь, неся на руках все еще кричащего ребенка. Сын вбежал обратно в дом, схватил свою маму и оторвал ее от трупа мужа. Он смотрел на меня, пока тащил маму к выходу, чем заслужил от меня насмешку.

- Я пытался, - сказал я ему, отмахнувшись от него. Я посмотрел на двух мертвецов, и еще один вздох вырвался у меня.

- Я пытался, - сказал я им, прежде чем начать обыскивать дом. В нем больше не было жителей, и, как я подозревал, он был намного богаче, чем предыдущий дом. Чашки были сделаны из металла, как и тарелки. Кровать была застелена мягкими мехами, а кладовка полностью заполнена. Я начал собирать кучу возле тел - кувшин, наполненный вином, тонко сплетенные корзины, несколько шкур животных, кубки, тарелки и подсвечник.

Направляясь в спальню, я перевернул кровать, рассыпав мешок, наполненный соломой, чтобы найти то, на что рассчитывал. Учítывая, что я уже видел, как одна семья закопала свои богатства, а под кроватью находился мой собственный любимый тайник, я подумал, что они могли закопать что-то под ней. И я оказался прав, судя по тому, что земля под ней была более рыхлой по сравнению с остальной частью комнаты. Воспользовавшись топором, я разворошил грязь и обнаружил, что внутри зарыт ларец. Скорее даже ящик.

Сломав замок, я открыл его и обнаружил несколько рогожных мешков. Один из них был кошельком для монет, в котором было много монет. Причем заметно. Открыв его, я увидел серебряные пенни. Десятки. По весу это было около полукилограмма. В других я увидел драгоценности. Небольшой неограненный сапфир. Два кусочка янтаря и несколько других блестящих камней. Однако я нахмурился, когда увидел среди них кусок металла. Вытащив его, я стал вертеть им, не в силах удержаться от вопроса, что он делает с драгоценными камнями.

Мои глаза сузились, когда я поднес кусок металла к своему топору, и тут я почувствовал это. Он притянулся к нему.

- Из какой... магии ты сделан? - спросил я странный кусок металла, засовывая его в сапог. Почему его тянуло к моему топору? Почему он хранился в одном помещении с драгоценными

камнями? Это явно был загадочный артефакт, поэтому я решил оставить его при себе. Это была маленькая вещица, и при беглом осмотре она не казалась заметной. Бросив груз в крепкий ящик, я вышел и добавил его в кучу. Подойдя к кладовке, я набрал сухих продуктов, зерна и соли.

Это была хорошая добыча. Отец, похоже, тоже так подумал, когда вошел внутрь: его глаза слегка расширились, когда он увидел, что там лежит.

- Отличная добыча. Нашел что-нибудь особенное? - спросил он, пиная трупы с хмурым выражением лица. Его брови взлетели вверх, когда он увидел драгоценности, что заставило его опуститься и осмотреть все вокруг. - Отдай ярлу Хоррику синий. Остальные оставь себе. Они твои по праву.

Я кивнул, захлопывая шкатулку. Бросив ее в корзину и нагрузив сверху все остальное, я потащил все это с небольшой помощью отца, который следил за тем, чтобы никто не подкрался ко мне. Крики уже немного стихли, и я понял, что большая часть деревни, скорее всего, мертва. Мой желудок сжался, когда я увидел, как воин схватил женщину за волосы и потащил ее к дому, который был наполнен последним криком, оставшимся в деревне. И все они исходили от женщин.

Закрыв на мгновение глаза, я стиснул зубы, сделав глубокий вдох. Я знал, что это произойдет. Я знал это с самого начала. И я знал, что абсолютно ничего не могу с этим поделать.

Потому что воином, который утаскивал кричащую женщину, был ярл Хоррик. Он помахал нам рукой, на его лице была улыбка, и он был залит кровью так же, как и я.

- Эрик! Зигфрид! Присоединяйтесь к нам! Ничто так не утолит огонь в твоей крови, как нежность женщины! - сказал он со смехом, все еще таща женщину за волосы. Она билась в его хватке, глядя на нас с ненавистью и страхом, пока ее борьба не усилилась.

- Мы присоединимся к вам позже, ярл Хоррик. Пока вы все будете смачивать свои фитили, мы обогатимся грабежом, - со смехом сказал он, и ярл Хоррик рассмеялся, уходя. Если он и заметил, что я не смеюсь вместе с ними, то ничего не сказал по этому поводу. Когда он с триумфальным криком распахнул дверь, отец негромко сказал мне.

- Привыкай к этому, Зигфрид, - сказал он мне, когда мы продолжали идти к мосту. - Такие вещи случаются во время набегов. Смирись с этим.

Мои губы истончились: - Они ведут себя как животные. Люди, которые напали на ферму, сделали бы это с мамой, или с моими сестрами, или с Астой, если бы меня там не было.

Отец обернулся ко мне, выражение его лица было таким серьезным, каким я его никогда не видел. Меня передернуло, но я не вздрогнул от его взгляда.

- Но ты был там, Зигфрид. И ты защитил свою семью. Эти люди не смогли этого сделать. Они не были достаточно сильны, чтобы остановить нас. Боги благоволит нам, позволив этому случиться с ними. Ярл Хоррик был прав - тот неудачный набег был совершен для того, чтобы этот удался.

- Ты бы стал так говорить, если бы я не был достаточно силен? - спросил я, не обращая внимания на то, что выражение его лица стало угрожающим. Лицемерие оставило горький привкус на языке, который я с трудом проглотил - мы были налетчиками. Эта деревня была

фермой. Меня хвалили за то, что я защитил ферму, а теперь хвалили за то, что я убил семьи в этой деревне. Казалось, что я был единственным, кто видел, насколько это лицемерно.

- Победа в битве не дает тебе-

Я мог бы уклониться от удара, но не сделал этого. Отец ударил меня по голове, его ноздри вспыхнули. - Дает, Зигфрид. Победа в битве дает тебе полное право решать судьбу побежденных. Это право дано богами, ведь они подарили нам победу! - огрызнулся он, но через мгновение стал выглядеть так, будто пожалел об этом. - Ты всегда был добросердечным мальчиком. Я беспокоился о том, как ты справишься с настоящей битвой, но ты доказал, что ты воин. Но если ты хочешь стать воином, то должен принять это. Такова судьба побежденных... и здесь нет места пощаде.

Мы остановились перед мостом, и я перевел взгляд на человека, которого пощадил. Пока я занимался мародерством, кто-то расколол его голову топором.

- Ты понял, мальчик? - спросил он, заставив мои губы сжаться в тонкую линию. Я думал, что понял, но увидеть это наяву оказалось сложнее, чем я думал. Убийство... Я вполне мог объяснить это рационально. В конце концов, я мог принять это. Порабощение? С этим было сложнее смириться, но, опять же, я мог это принять. В мире было много тяжелой работы, и иметь раба для выполнения никому не нужной работы было вполне логично.

С другой стороны, у изнасилования не было оправдания, которое я мог бы найти. Это было просто принуждение себя к кому-то, потому что ты желал его, а он не мог отбиться от тебя. Вот и все. Это не служило никакой цели. Это была просто жестокость ради жестокости.

Я медленно кивнул, опустив глаза к убитому. Отец протянул руку и потер ту сторону моей головы, по которой он шлепнул, и вздохнул.

- Я придумаю для ярла Хоррика причину, по которой ты не можешь присоединиться к остальным, - сказал он мне. Я снова кивнул, не выражая своей благодарности. Подняв на него глаза, я увидел, что он грустно улыбается мне. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но его прервал звук рога.

Мы повернули головы в его сторону. Он прозвучал слишком близко, чтобы быть от лодки, до нее было час ходьбы. Рог звучал гораздо ближе. Гораздо, гораздо, гораздо ближе.

Отец толкнул меня: - На нас напали! К оружию! Тащите свои задницы сюда! - Отец кричал во всю мощь своих легких, заставляя людей выбегать из домов, некоторые из них были со штанами по щиколотку и с кровью на членах. Я не обращал на это внимания, так как бросил свой клад сокровищ, когда заметил первоисточник.

Из леса высыпали воины, одни верхом на лошадях, другие с голой грудью и огромными топорами в руках. Они выкрикивали боевые кличи, провозглашая месть на незнакомом языке. Один из наших воинов выскочил из дома неподалеку от места их входа в деревню, но был быстро зарублен. Вперед выехал всадник, который с криками пронесся по мосту, размахивая булавой. Скрежеща зубами, я метнул свой топор, попав ему в грудь с такой силой, что казалось, будто его сбросил с лошадиной спины великан. Он замертво упал на землю, но лошадь продолжила движение мимо нас.

- Стена щита! Стена щитов! - крикнул ярл Хоррик, - Держите мост! - крикнул он, когда я поднялся, подобрав еще один топор у одного из павших воинов. Еще больше врагов бросились вслед за павшим, переступая через его тело, когда они устремились к нам. Мост выполнял

роль заслона, направляя их к одному месту, однако я видел проблему. Наши корабли находились на другом берегу реки. В темноте было трудно определить, сколько их, но, похоже, много. И еще больше было на подходе.

Несмотря ни на что, мы должны были пробиться сквозь них. Мы находились на их территории. Возможно, они знают способ обойти реку, и тогда нас обойдут с фланга. В тот момент, когда они перейдут к обороне, мы столкнемся с той же проблемой, что и они, атакуя нас, - ограниченное пространство, когда наше превосходство в численности ничего не будет значить.

Я глубоко вздохнул и впервые за сегодняшний день издал боевой клич, который совпал с криком наших врагов, когда я помчался по мосту. Я услышал, как отец ругается, призывая меня вернуться, когда стена щитов сомкнулась за моей спиной, как раз в тот момент, когда я встретил первого из воинов.

Я не возражал. Я предпочитал убивать настоящих воинов, а не беспомощных и неподготовленных деревенских жителей.

Оставалось только вырвать право на свою жизнь.

...

<http://tl.rulate.ru/book/102321/3555708>